

С.В. Кондратьев, Т.Н. Кондратьева
Тюменский государственный университет

Западноевропейское Средневековье в Институте истории РАНИОН (по материалам ГАРФ)

История отечественной медиевистики в первые послереволюционные годы XX века остается малоисследованной. Для ее реконструкции необходимы серьезные архивные изыскания, имеющие целью осветить судьбы отдельных ученых, различных научных и образовательных учреждений, а также планируемых в них и тем более реализуемых проектов.

В ряду научных учреждений 1920-х гг. Институт истории РАНИОН занимал важное место. Как известно, он был создан в 1921 г. при факультете общественных наук I МГУ, а затем в 1924 г. вместе с другими институтами вошел во вновь образованную Российскую ассоциацию научных институтов общественных наук. В таком виде институт просуществовал до 1929 г., пока его не переподчинили Комакадемии. Директором института истории со времени его основания являлся Д.М. Петрушевский, он же руководил в институте секцией средневековой истории¹.

В Государственном архиве РФ, в фонде 4655 (РАНИОН) сохранился протокол заседания секции средневековой истории Научно-исследовательского института истории РАНИОН, одно резюме заседания, одна выписка из протокола заседания, два резюме докладов². Документы охватывают период с 9 марта 1923 г. по 8 июня 1928 г. По академическим годам они распределены весьма неравномерно: за 1927–1928 г. представлено 9 протоколов и одно резюме заседания, за 1926–1927 г. — 10 протоколов и одна выписка из протокола заседания, за 1925–1926 г. — 4 протокола, за 1924–1925 г. — 3 протокола, за 1923–1924 г. — 1 протокол, и с марта по май 1923 г. — 4 протокола. Отметим, что протокол за ноябрь — декабрь 1924 г. охватывает сразу 3 заседания, протокол за октябрь того же года — 2 заседания, протокол за апрель 1923 г. — 2 заседания. Судя по протоколам интенсивность заседаний была разной. Иногда заседания проходили еженедельно, а иногда перерывы между заседаниями составляли месяцы³. Общий объем имеющегося материала занимает чуть более 100 листов, как правило, заполненных с обеих сторон. Примерно треть протоколов отпечатана на пишущей машинке, ²/₃ сохранились в рукописном виде, один протокол (от 10 декабря 1926 г.) — в рукописном и машинописном варианте. Все отпечатанные и в разной степени отредактированные протоколы

Тамара Николаевна Кондратьева, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры документоведения, историографии и источниковедения Института истории и политических наук Тюменского государственного университета. Специализируется в области отечественной историографии абсолютизма.

¹ Вайнштейн О.А. История советской медиевистики. Л., 1968. С. 43–43; Калистратова Т.И. Институт истории ФОН МГУ — РАНИОН (1921–1929). Нижний Новгород, 1992.

² Государственный архив РФ (далее: ГАРФ). Ф. 4655 (РАНИОН). Оп. 1. Ед. хр. 155. Подлинные протоколы заседаний секции средневековой истории за 1923–1928 гг.

³ Например, на мартовском заседании 1927 г. утверждались тексты двух декабрьских протоколов 1926 г., что, на наш взгляд, однозначно говорит о почти трехмесячном перерыве. См.: ГАРФ, Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 46.

охватывают 1923–1926 гг., протоколы за 1927–1928 г. представлены в основном в виду рукописей. За исключением трех, все рукописные протоколы составлены А.И. Неусыхиним, бессменным секретарем секции, в одном протоколе (от 5 апреля 1928 г.) секретарем обозначен — А.С. Нифонтов, хотя расписался «за секретаря» И.С. Макаров, три других (от 29 октября, 5 ноября и 30 апреля 1926 г.) отпечатаны на машинке, с указанием на то, что секретарские обязанности исполнял И.С. Макаров, но во втором протоколе «за секретаря» расписался А.И. Неусыхин. На всех заседаниях секции председательствовал Д.М. Петрушевский. Почти все протоколы имеют автографы председателя и секретаря. В состав секции входили Д.М. Петрушевский, А.И. Неусыхин, Е.А. Косминский, Е.В. Оловяшникова, В.В. Терешкович, Н.П. Грацианский, О.А. Лясковская, Д.С. Граменицкий. Статус членов секции был разным — от действительных членов (Д.М. Петрушевский, П.Г. Грацианский, Д.Н. Егоров) и сотрудников первого разряда (В.В. Терешкович, Е.В. Оловяшникова) до аспирантов (А.Н. Неусыхин, И.С. Звавич, И.С. Макаров, А.С. Нифонтов, Д.С. Граменицкий). По протоколам проследить статусные перемены сотрудников секции невозможно, для этого необходимо предпринять дополнительные изыскания. Осенью 1926 г. в РАНИОН была учреждена должность члена-корреспондента, на которую избирались ученые, живущие в других городах. По секции средневековой истории членом-корреспондентом тогда был избран профессор Киевского университета Л.Н. Беркут (протокол от 5 ноября 1926 г.)⁴. Как правило, на каждом заседании секции присутствовали гости, порой весьма именитые: мы встречаем имена известного историка права В.Э. Грабаря (протокол от 15 апреля 1927 г.)⁵, академиков О.Э. Струве (протокол от 27 марта 1924 г.)⁶ и Н.П. Василенко, античника Н.А. Куна (оба — в протоколе от 5 ноября 1926 г.)⁷, византиниста А.К. Бергера (протокол от 4 ноября 1927 г.)⁸, председателя Московской секции ГАИМК Д.Н. Егорова (протоколы от 20 мая, 17 июня 1927 г., 26 октября 1926 г., от 29 октября 1925 г.)⁹, историка итальянского Возрождения А.К. Дживелегова (протоколы от 11 мая 1928 г., 15 апреля 1927 г.)¹⁰, экономиста С.В. Бернштейн-Когана, а также прославившегося позже франковеда Б.Ф. Поршнева (два последних упомянуты в протоколе от 15 апреля 1927 г.)¹¹.

Отметим, что известные в будущем ученые, такие как этнограф А.С. Токарев, новисты И.С. Звавич, Н.П. Фрейберг, искусствовед О.А. Лясковская, либо начинали свою научную карьеру аспирантами секции средневековой истории Института истории РАНИОН, либо просто делали здесь доклады по специальности¹².

Протоколы содержат крайне скудные сведения о текущей организационной и производственной работе секции. Из них можно узнать, что в октябре 1925 г. секция ходатайствовала перед РАНИОН о включении сверхштата в действительные члены историка Я.Н. Ямнского¹³; через год — в октябре 1926 г., — заслушивала отчеты и утверждала производственный план членов секции за 1926–1927 гг., в котором среди прочего предусматривалось издание монографий Н.П. Грацианского и Е.А. Косминского и содержалась просьба о выделении 6 п.л. «в сборниках трудов Института», а также предложения по выписке иностранной литературы¹⁴; в декабре 1926 г. рассматривала вопрос о включении (после консультаций с работающим в Ташкенте

⁴ ГАРФ, Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 68.

⁵ Там же. Л. 40.

⁶ Там же. Л. 89.

⁷ Там же. Л. 65.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ Там же. Лл. 36, 37, 71, 79. Д.Н. Егоров являлся действительным членом секции средневековой истории и председателем библиографической комиссии Института Истории РАНИОН, см.: там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Лл. 3, 40.

¹¹ Там же. Л. 40.

¹² Из этих четырех с определенностью можно говорить только о И.С. Звавиче, как об аспиранте секции средневековой истории. По поводу остальных требуются дополнительные изыскания. Известно, что аспиранты Института истории должны были делать доклады по специальности не только на своих, но и на смежных секциях. См.: ГАРФ, Ф. 4655, Оп. 1. Ед. хр. 168. Подлинные протоколы заседаний методического бюро и собраний аспирантов. Лл. 6–7.

¹³ ГАРФ, Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 79.

¹⁴ Там же. Лл. 71–71 об.

Д.С. Граменицким¹⁵) своего сотрудника в состав экспедиции, направляемой Институтом истории в Туркестан для изучения там «остатков феодальных отношений»¹⁶; в марте 1927 г. секция заслушивала полученные из Ташкента сведения «о феодальных отношениях в Туркестане»¹⁷; в июне 1927 г. вновь обсуждала производственный план, но уже на 1927–1928 г., а также состояние «библиографической работы при Институте»¹⁸; в мае 1928 г. — план работы на 1928–1929 г., а также издательский план института, куда секция вновь предлагала включить работы «Н.П. Грацианского («Аграрный строй Бургундии X–XI вв.», 15 печ. л.), В.В. Терешкович («Очерки по социальной истории средневекового города») и Е.А. Косминского («Английская деревня XIII века»)»¹⁹. Среди производственных вопросов наибольший интерес представляет решение, вынесенное секцией 8 июня 1928 г., в котором она решительно возражала против планов Института «о слиянии секций древней, средневековой и новой истории в одну секцию всеобщей истории». Медиевисты в принятом совместно решении сочли «объединение указанных секций нецелесообразным», ибо им «с одной стороны, неясны мотивы, вызывающие необходимость такого объединения, а с другой стороны, представляются сомнительными последующие его результаты. Характер материала и методика разработки основных проблем древней, средне[вековой] и новой истории настолько различны, что в процессе специального изучения конкретных вопросов обмен мнениями между представителями этих дисциплин вряд ли может быть особенно плодотворным, а коллективная их работа становится просто невозможной. А обмен мнений по общим вопросам каждой из этих дисциплин (обмен, конечно, необходимый) целесообразнее всего производить в заседаниях совета Института истории, куда обычно и выносятся для обсуждения результаты специальной работы, представляющие общий интерес. Такой порядок является более нормальным, чем предложенный ныне, ибо состояние современной науки требует, как известно, специализации и координации работы, а не смешения разнородных приемов исследования. К тому же проект создания единой секции всеобщей истории нецелесообразен и технически: организация затормозит работу, ибо уменьшит число заседаний в год и не даст возможность всем членам и сотрудникам секции выступать с докладами (не говоря уж об аспирантах). Если же предполагается заслушивать доклады в комиссиях при секции всеобщей истории, то в таком случае реорганизация секции не внесет ничего нового в ныне существующие порядки»²⁰.

Зато содержание докладов и прения в протоколах секции представлены весьма подробно. На секции (практически всегда в присутствии гостей) доклады делали академики, действительные члены института, сотрудники 1-го разряда и аспиранты. В частности, Д.М. Петрушевский произнес пять докладов, Е.А. Косминский сделал три, А.Н. Неусыхин — три, В.В. Терешкович — три, Н.П. Грацианский — один, О.А. Лясковская — один, Д.С. Граменицкий — два, А.С. Нифонтов — два, Ю.А. Иванов — один, А.И. Гайсинович — один, Р.А. Авербух — один, С.А. Токарев — один, Л.В. Черепнин — один, И.С. Звавич — два, Н.П. Фрейберг — один. Видно, что больше всех докладов произнес Д.М. Петрушевский, лидерство которого базировалось не только на должности и академическом статусе, но и на удивительной научной работоспособности.

Почти все доклады затрагивали социально-экономическую проблематику Средних веков и феодальных отношений. Восемь докладов были посвящены историографии и состоянию

¹⁵ Не исключено, что упоминаемый в протоколах Д.С. Граменицкий был сыном известного востоковеда, одного из организаторов образования в Узбекистане последней четверти XIX в. Сергея Михайловича Граменицкого. В протоколах секции за 1924 г. Д.С. Граменицкий упоминается как участник заседаний и автор двух докладов. См. там же. Лл. 83–89. В 1942 г. он оказался в Ташкенте среди авторов труда далекого от истории. См.: Н.С. Герасимов, Д.С. Граменицкий, Н.К. Карпович. Дешифрирование аэроснимков. Ташкент, 1942.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 51.

¹⁷ Там же. Л. 46.

¹⁸ Там же. Л. 36.

¹⁹ Там же. Л. 3. По-видимому, речь уже второй раз шла, шла о монографиях Н.П. Грацианского «Бургундская деревня в X–XI столетиях» и Е.А. Косминского «Английская деревня в XIII веке», которые увидят свет только в 1935 г.

²⁰ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 1–2 об.

исторической науки. Три доклада касались городской проблематики. Несколько докладов строились на «Капитулярии о поместьях» (*Capitulare de villis*) Карла Великого. Два доклада повествовали о политической истории. В частности, доклад именно на эту тему делали Д.М. Петрушевский и будущий известный историк средневековой Руси Л.В. Черепнин. В отдельных случаях обсуждение доклада занимало ни одно, а несколько заседаний.

Историография

Доклады и обсуждения показывают, что ученые Института Истории хорошо были осведомлены о состоянии как европейской медиевистики, так и гуманитарного знания вообще. Они постоянно обращаются к работам А. Допша, Т. Майера, П.Г. Виноградова, Ф. Гекка, В. Витиха, Г. Дельбрюка, Б. Гильдебранда, Н.Д. Фюстеля де Куланжа, Г.Л. Маурера, К. Лампрехта, К. Инама-Штернегга, Г. Зелигера, Г. Грея, Ф. Сибомы, А. Сэ, Ж. Флакка, В. Арнольда, Г. Шенберга, К. Бюхера, Г. Шмоллера, М. Вебера, Г. Белова, Г. Зивекинга, В. Зомбарта, И. Пленге, Г. Фламма, Э. Нассе, Н. Грасса, Г. Бруннера, В. Стеббса, Ф. Мэтланда, Г. Каро. В протоколах ни разу не упоминаются классики марксизма и сам марксизм. Но по редким репликам о классах и классовой борьбе можно заключить, что некоторые историки (например, Е.А. Косминский и А.Д. Удальцов) разделяли отдельные марксистские положения. Иногда в выступлениях всплывает «торговый капитализм» М.Н. Покровского, главного по должности советского историка тех дней. Зато регулярно звучат пассажи из популярных Альфонса Допша и Макса Вебера, вокруг которых вспыхивают дискуссии. Отметим, что споры по поводу терминов и логических конструкций были довольно частыми. Оказывается, столь привычные сегодня сетования по поводу неадекватности слов по отношению к историческим реалиям сопровождали историческое ремесло уже тогда.

В 1923 г. целых четыре заседания были потрачены на освещение проблем исторической науки. В марте 1923 г. сообщение «Об оценке работ А. Допша²¹ в текущей немецкой историографии» сделал А.И. Неусыхин. Он отметил, что в отзывах А. Голдмейстера, П. Сандера, В. Зомбарта, Г. Белова показывается «гиперболизм построений» А. Допша и одновременно «признается огромное значение» его работ, содержащих «ряд ценных исследований... в области истории аграрных отношений». Что касается «истории ремесла, обмена, торговли и городского развития», то, полагает А.И. Неусыхин (поддержанный Е.А. Косминским), «здесь Dopsch недостаточно точно и теоретически неправомерно применяет понятия, выработанные политической экономией, как, напр[имер], «капитализм», «денежное хозяйство» и т.д. Д.М. Петрушевский не разделил критический настрой своих молодых коллег и призвал их «выработать», «сконструировать» особое понятие для обозначения «средневекового капитализма»²².

В мае 1923 г. обсуждение австрийского медиевиста продолжил Н.П. Грацианский, произнесший доклад «Traditiones в освещении Допша»²³, где подверг критике его гипотезу о возврате церковью дарителям земель в виде прекария, которые она перед этим получила от них в виде дара (*traditions*).

В апреле 1923 г., в течение двух заседаний, слушали и обсуждали доклад В.В. Терешкович «О новой работе Макса Вебера «Город»²⁴. Докладчица очертила социологию Макса Вебера, дающую ему возможность проводить типологические сопоставления античного, восточного и западноевропейского средневекового города и позволяющую наметить основную тенденцию в развитии города Запада — тенденцию «стать самоуправляющейся общиной». В

²¹ Работы австрийского историка Альфонса Допша были чрезвычайно популярны в России в начале XX века. А. Допш среди прочего находил проявление капитализма в совершенно различные исторические периоды. Именно в это время была издана вторая работа А. Допша, вызвавшая живые отклики специалистов. См.: Dopsch A. *Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen*. Wien, 1918–1920. Teil 1–2.

²² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 94–94 об.

²³ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 90–91 об. Позднее этот доклад будет издан в виде статьи, где можно подробнее ознакомиться с аргументацией Н.П. Грацианского. См.: Грацианский Н.П. «Traditiones» каролингской эпохи в освещении Допша // Труды Института истории РАНИОН. М., 1926. Вып. 1.

²⁴ Отметим, что именно в 1923 г. был издан русский перевод этой книги М. Вебера. См.: Вебер М. *Город*. Пг., 1923.

результате М. Вебер реконструирует «идеально-типический» процесс городской эволюции, сближаясь с А. Допшем и П. Сандером, и расходясь с отвергающим возможность теоретизирования на эту тему Н.П. Оттокарсом. В ходе дискуссии любопытную мысль высказал А.И. Неусыхин, заметивший, что социологические приемы М. Вебера сводятся «главным образом к удачному применению сравнительно-исторического метода, метода сопоставлений конкретных исторических процессов». Эта «оригинальность», позволяющая избегать упрощенного стремления «устанавливать какие-либо общеобязательные стадии или фазы развития или открывать какие-либо универсальные исторические законы», подчеркивалась А.И. Неусыхиным, как особенно ценная. Однако В.В. Терешкович с оппонентом не согласилась. По ее мнению, М. Вебер сближается с «материализмом» и считает, что социология должна изучать именно «всеобщие закономерности всего происходящего»²⁵.

В.В. Терешкович, занимающаяся исследованием средневекового немецкого города, в декабре 1926 г. сделала доклад «К вопросу о теории городского хозяйства», где сначала остановилась на теории «городского хозяйства» Карла Бюхера²⁶, а затем «дала характеристику основных течений в современной ученой литературе вопроса». По ее мнению, у К. Бюхера были предшественники (Арнольд Тойнби²⁷, Бруно Гильдебранд, Г. Шенберг, Густав Шмоллер²⁸), выделявшие различные стадии хозяйственного развития. Но именно К. Бюхер впервые включил теорию «городского хозяйства» «в качестве одного из звеньев в цепь эволюции». Кроме того, он, во-первых, «схематизировал» представления предшественников о стадиях, во-вторых, «стилизовал понятия», в-третьих, придал своим выводам чрезвычайно общий характер. Абстрактная логика К. Бюхера представлялась исследовательнице в виде «сочетания «идеальных типов (в духе М. Вебера) и логически неправильной индукции». Г. Белов первым существенно скорректировал представления К. Бюхера о городе. Он показал, что городское хозяйство не было натуральным. Затем критику продолжил Г. Зивекинг²⁹, настаивающий на длительной открытости средневекового города, возникшего как рыночное поселение и замкнувшегося в эпоху позднего Средневековья. На локальном материале Фрайбурга вывод Г. Зивекинга подтвердил Герман Флам³⁰, объясняя феномен закрытости позднесредневекового города враждебностью князей.

Выступающий затем Н.П. Грацианский подчеркнул, что время отвергать концепцию К. Бюхера еще не наступило, поскольку пока еще не создана «более удовлетворительная» новая схема. А А.И. Неусыхин усомнился в том, что к построениям К. Бюхера приложим термин М. Вебера «идеальный тип»³¹.

В январе 1925 г. Е.А. Косминский произнес доклад «Историографический обзор новейшей литературы по вопросу о хозяйственном строе английской деревни XIII века»³², где отметил стремление английских историков к проведению локальных исследований с использованием статистических методов. Изучающие «хозяйственный строй английской деревни» исследователи концентрируют внимание на четырех вопросах: «вопросе о технике земледелия, о связи поместья с рынком, о коммутации и о барщине». Далее докладчик подробно остановился на

²⁵ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 92–93 об.

²⁶ См.: Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. М., 1912.

²⁷ Речь о историке-экономисте XIX века, оставившем «Лекции о промышленной революции», изданные в 1884.

²⁸ См.: Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб, 1868; Шенберг Г. Новая политическая экономия. Одесса, 1894; Шмоллер Г. О новейших результатах статистики народонаселения и нравственности. М., 1873; Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М., 1900; Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М., 1902; Борьба классов и классовое господство. М., 1906.

²⁹ См. например: Зивекинг Г. Внешняя торговая политика. СПб, 1908.

³⁰ Flamm H. Geschichtliche Ortsbeschreibung der Stadt Freiburg, 1400–1806. Freiburg 1903.

³¹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 58–64. Именно этот протокол сохранился в рукописном и машинописном вариантах.

³² Материалы доклада вошли в статью Е.А. Косминского «Новые проблемы в аграрной истории Англии. Историографический обзор», опубликованную в журнале «Историк-марксист», 1926. №2.

работах Г. Грея и Н. Грасса³³. Г. Грейю он отдает должное за его районирование Англии XIII века, сопровождаемое описанием локальных особенностей хозяйственного землепользования. Г. Грей и Н. Грасс специально занимались изучением зернового рынка и коммутацией ренты. Первый заметил, что коммутация активнее шла на северо-западе, тогда как на юго-востоке «барщина сохранялась лучше», второй обратил внимание, что коммутация медленнее шла в тех районах, где держались высокие цены на хлеб, и лорды были заинтересованы в том, чтобы самим выходить с зерном на рынок. Выступающие затем Н.П. Грацианский и Д.М. Петрушевский высоко оценили проанализированные работы. А Д.М. Петрушевский, ссылаясь на Н. Грасса, счел необходимым подчеркнуть, что «крепостное право вытекает из условий рыночного хозяйства, а отнюдь не является результатом отсутствия рыночных связей»³⁴.

В мае 1928 г. секция заслушала доклад И.С. Звавича «Хозяйственный и социальный строй Верхнего Дофинэ в XII–XV вв.» (о книге Терезы Склафер «Верхнее Дофинэ в Средние века»³⁵). Судя по тексту протокола и последующим репликам, докладчик подробно изложил основные положения книги, которая носила характер «историко-географического», «топографического» исследования. Из работы Т. Склафер следовало, что хозяйство Дофинэ было лишь отчасти земледельческим. В провинции преобладало скотоводство «с торговыми целями, осложненное винодельческой и садоводческой культурами». Географические условия и преобладание скотоводства позволили крестьянам Дофинэ избежать «феодалных форм серважа» и крепостного права³⁶.

Два историографических доклада сделал Д.М. Петрушевский. Отметим, что послушать выступления директора Института приходили сотрудники других секций и гости. 20 ноября 1925 г. он произнес доклад «Современное состояние науки средневековой истории», где предстает решительным противником вотчинной теории. Д.М. Петрушевский отметил, что историческая наука XIX века предложила стройную схему эволюции средневекового общества, согласно которой германские и античные порядки представляли собой антитезу друг другу. На смену «ожесточенной социальной борьбе» германцы принесли «социальное равенство, политическую свободу, первобытные общинные учреждения». «Вначале тон задавала община, затем вотчина». Натуральное хозяйство, обеспечивающее вотчину всем необходимым, создавало основу для ее политической независимости. К. Бюхер подвел под эту концепцию «широкий теоретический фундамент», и тем самым полностью отделил европейское Средневековье от Античности и Нового времени. «Переход к новому времени стали себе представлять в виде коренной ломки всех экономических, социальных и политических отношений; такие же изменения претерпела якобы и психика средневекового человека, внезапно перешедшего от мрачного сознания своей греховности и от веры в загробное воздаяние к поискам счастья в земной юдоли», — иронично замечал историк.

По его мнению, под «ударами... критики» (к сожалению, ни одной работы в докладе не упомянуто, а из ученых назван только М. Вебер) сегодня «старая теория лежит в развалинах». Д.М. Петрушевский подчеркивает готовность германцев к восприятию римских порядков, поскольку они на время переселения уже знали «землевладение, частную собственность, социальное неравенство». Явно расходясь и с марксистским учением о формациях, историк настаивает на континуитете римских и германских порядков, говорит, что «германская культура вращалась в римскую и до известной степени вырастала из нее, и в процессе этого взаимодействия двух культур сложилось общество раннего Средневековья». Средневековое поместье было сложным организмом, «проникнутым денежно-хозяйственными тенденциями (производство на рынок) и отличающимся чрезвычайной пестротой социального состава населения».

³³ Речь шла о следующих работах: Gray H.L. English Field System. Cambridge, 1915. Grey H.L. The Commutation of Villain Services in England before the Black Death // English Historical Review, 1914, Vol. XXIX, N CXVI. P. 625–656; Grass N.S. The Evolution of the English Corn-market from the twelfth to the eighteenth Century. Cambridge, 1915.

³⁴ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 80–82.

³⁵ Sclafert T. Le Haut-Dauphiné au Moyen Age, Paris, 1926.

³⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 6–8а об.

Центральным вопросом медиевистики того времени был вопрос о феодализме. Д.М. Петрушевский в своем докладе подчеркивал, что его не следует сводить к социально-экономическим отношениям и подчеркивает роль государства. «Феодализмом следует называть лишь явление огосударствления частной собственности образований, создающихся в процессе экономической и социальной эволюции. Этим термином можно обозначать лишь тот политический строй, который возникает в результате этого процесса, но не сам процесс. Неправильно и обычное представление о феодализме, как о распаде государственного единства и политической власти. Конечно, феодализм мог вырождаться и иногда вырождался в партикуляризм. Но это вырождение не имеет ничего общего с существом феодализма как такового: феодализм есть такая форма организации государственной власти, которая в специфической атмосфере хозяйственного и социального строя средневекового общества обеспечивает наилучшее ее функционирование. Феодализм, таким образом, обозначает не распад государства, а, напротив, его сплочение».

С Д.М. Петрушевским вступил в спор А.Д. Удальцов, который настаивал на том, что товарным европейское хозяйство могла стать только в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени. Любопытным представляется консолидированная констатация Д.М. Петрушевским и Н.П. Грацианским того, что вместо раскритикованной старой концепции, пока не предложена иная³⁷.

4 ноября 1927 г. Д.М. Петрушевский огласил доклад «П.Г. Виноградов как социальный историк»³⁸, в котором подчеркнул, что никто до П.Г. Виноградова не ставил в России проблему феодализма «с такой исследовательской глубиной». Для того, чтобы показать самобытный вклад П.Г. Виноградова в изучение средневековой Англии, Д.М. Петрушевский сравнивает его с предшественниками. В частности, он останавливается на работах Фредерика Сибомма³⁹, оставившего стройную картину социально-экономического развития Англии. Ф. Сибом, по словам Д.М. Петрушевского, видел здесь несколько этапов: «в эпоху кельтов имеем общину с переделами и дроблением наделов, а также рабство. Англосаксы принесли в Британию зачатки манориальной системы, которые были налицо у древних германцев», и «крепостничество». После нормандского завоевания «видим» имения «с неделимыми, чересполосно лежащими виргатами вилланов». «Манориальная система в Англии — сложный продукт римских и варварских влияний» — к такому выводу приходил Ф. Сибом. Развитие Англии шло от рабства к обретению все большей свободы.

В отличие от экономического и ретроспективного подхода Ф. Сибомма П.Г. Виноградов отталкивается от права⁴⁰. Ибо право было не просто следствием, но нередко и организатором жизни. По мнению Виноградова, право — не только внешняя надстройка; оно может выступать и в качестве причины, и в качестве следствия различных общественных явлений. Формализм права всегда борется с беспорядком жизни. В конкретных случаях историку, отмечает Д.М. Петрушевский, видны «рубцы и швы жизни». Изучая эти рубцы, Виноградов, по мнению докладчика, установил три элемента, из «которых сложилось правовое положение виллана»: 1) юридическая теория вилланства, т.е. учение средневековых юристов (Брактон); 2) манориальная система, делающая из виллана нечто вроде колона; 3) элементы свободы, восходящие к англосаксонским порядкам. «Манориальная система возникла после общины, и средневековый манор есть комбинация общины и барского двора». «Его основной вывод гласит: в начале англосаксонского развития [лежало] не рабство, а свобода; дальнейшая эволюция экономического строя в течение среднев[ековья] — [это] постепенное вырождение свободы».

³⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 76–78 об. См. также: Д.М. Петрушевский. О некоторых логических проблемах современной исторической науки / Петрушевский Д.М. Очерки по экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928.

³⁸ В переработанном виде доклад был опубликован в 1930 г. См.: Петрушевский Д.М. П.Г. Виноградов как социальный историк // Труды комитета по истории знаний. 1930, №9. С. 1–27.

³⁹ Sebohm F. The English Village Community. L., 1883.

⁴⁰ Имеются, прежде всего, в виду две работы П.Г. Виноградова. См.: Vinogradov P. «Villainage in England. Oxford, 1892; Виноградов П.Г. Исследование по социальной истории Англии в средние века. СПб., 1887.

Вместе с тем Д.М. Петрушевский подчеркивает, что Виноградов был социальным историком, изучающим социальные отношения через призму права. Правовые нормы интересуют его не сами по себе, а в их взаимоотношении с другими сторонами общества». Более того, Петрушевский называет Виноградова не только историком, но и социологом, который в индивидуальном всегда стремился уловить типическое. «Можно сказать, что Виноградов создавал идеально-типические построения и занимался эмпирической социологией». Этим его опыты и ценны и интересны. Касаясь его теоретико-социологических построений, Д.М. Петрушевский полагает, что они не представляют никакой ценности, поскольку П.Г. Виноградов не был способен «подняться над конкретным материалом»⁴¹.

Социально-экономическая проблематика эпохи перехода от Античности к Средним векам

Доклады по социально-экономической и хозяйственной тематике, на наш взгляд, проще всего представить, руководствуясь хронологией. Несколько докладов в секции касались переходного периода от Античности к Средним векам. В апреле 1926 г. сообщение «Падение римского владычества на Западе» сделал аспирант Ю.А. Иванов. Оно носило предельно общий, поверхностный, генерализирующий характер, что тут же подметили А.Д. Удальцов, Н.П. Грацианский и Д.М. Петрушевский. Первый посоветовал докладчику в дальнейшем ограничить исследование «одной из областей империи», второй указал на то, что те многочисленные вопросы, которые затронуты в докладе, «могли бы служить темой особого исследования», а руководитель секции порекомендовал впредь представлять более конкретные доклады⁴².

29 октября 1926 г. А.И. Неусыхин прочитал на секции доклад «Особенности хозяйственного строя некоторых германских племен (Военные союзы германских племен около начала н.э.)». Опираясь на данные Цезаря, Плиния и Тацита, он попытался дать картину эволюции экономики и социума преимущественно у свевов, хаттов, херусков и хавков, которые в разной степени вели земледельческое хозяйство. Следуя, очевидно, за Д.М. Петрушевским, он полагал, что в экстраординарных условиях быт германских племен деформировался и упрощался. Отдельные положения докладчика вызвали возражения у А.Д. Удальцова, В.Ф. Семенова, С.А. Токарева. А Д.М. Петрушевский, отметив «содержательность и методологическую строгость доклада» и откликаясь на пожелания В.В. Терешкович, попросил «А.И. Неусыхина сделать сообщение о торговле к следующему заседанию»⁴³.

«Следующее заседание» состоялось через неделю (5 ноября 1926 г.). Оно оказалось на порядок более представительным, чем предыдущее, ибо доклад А.И. Неусыхина «Германская торговля эпохи Цезаря и Тацита» предварялся докладом самого Д.М. Петрушевского «Древнегерманское общество эпохи Цезаря и Тацита». Доклад Д.М. Петрушевского вновь был заострен против вотчинной теории, которая представляла германские племена эпохи Цезаря «дикими» и «первобытными». «Из леса германцы якобы вынесли в неприкосновенности первобытную общину, обеспечивающую всем своим членам более или менее одинаковые условия существования». Докладчик считал, что Цезаря следует понимать не в том смысле, что по территории Европы двигались дикие племена, сметая все на пути. Нет, настаивает он, это были оседлые, достаточно культурные народы, знающие земледелие, которые снялись со своих мест под каким-то внешним, может быть, стихийным, воздействием. Результатом стала некоторая временная примитивизация, «затертость», внутригерманских социальных и хозяйственных порядков. Но развитие германцев не остановилось, поэтому не следует видеть между обществами, описанными Цезарем и Тацитом, разрыв. Это одно и то же общество на разных этапах и в разных состояниях: у Цезаря экстремальные условия, у Тацита — спокойное состояние. Д.М. Петрушевский описывает германское общество как социально дифференцированное со своими вождями и аристократией, сконцентрировавшей «значительную долю политического влияния».

⁴¹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 15–17 об. См. также отпечатанное на машинке резюме заседания. Там же. Л. 27.

⁴² Там же. Лл. 72–73.

⁴³ Там же. Лл. 69–70.

«Ни марки, ни земельной общины, ни первобытной демократии мы не находим ни у Цезаря, ни у Тацита», — гласит его окончательный вывод.

А.И. Неусыхин следом говорил об интенсивной внешней и внутренней торговле германцев. Племена торговали с римлянами, продавая рабов, пушнину, янтарь и покупая металлы, оружие, утварь, вино. Главным средством обмена стал серебряный динарий. Внутри племен существовала имущественная дифференциация. Германцы имели представления о богатстве и делали накопления. Внутренняя же торговля «происходила главным образом в форме натурального обмена. Мерилом ценности является скот».

Выступающие затем Н.Г. Грацианский и А.Д. Удальцов отметили фиксацию Цезарем у германцев «коммунистических» и «эгалитаристских» черт, которые трудно объяснить приводимыми в источнике данными. А.Д. Удальцов полагает, что скудость источников можно компенсировать за счет использования сравнительно-исторического метода и привлечения этнографического материала, который, кстати, может свидетельствовать в пользу марковой теории.

Отвечая Н.П. Грацианскому, Д.М. Петрушевский подчеркивает, что строй германцев уже в эпоху Цезаря «был весьма далек от народовластия и свободы». Сравнительный метод, обращается он к А.Д. Удальцову и чуть позже к Н.А. Куну, можно использовать, только имея «одинаковую точку для сравнения». У Тацита «мы ее не находим. Источнику можно ведь задать только те вопросы, на которые он в состоянии ответить»⁴⁴. А изрядно «скомпрометированный» сравнительный метод лучше использовать не при проведении конкретных исследований, а «для другой цели — образования общих понятий в результате генерализирующей работы историка»⁴⁵.

Социально-экономическая и политическая история раннего Средневековья

В конце ноября — начале декабря 1924 г. в течение трех заседаний заслушивался и обсуждался доклад Д.С. Граменицкого «К вопросу об эволюции социальных отношений раннего Средневековья». Разделяя точку зрения А. Допша и Д.М. Петрушевского, докладчик настаивал на наличии неравенства и социальной дифференциации у древних германцев, которые в более глубоком и развитом виде отражены в «Салической» и других варварских правдах, а также в законодательных памятниках лангобардов и остготов. Д.С. Граменицкий избегал упрощений, представляя сложный процесс возвышения, деградации, принижения и освобождения различных групп в разные временные отрезки. Социальная структура древних германцев, по его мнению, менялась по внутренним причинам, а также благодаря внешнему римскому и христианскому влиянию⁴⁶.

Месяцем раньше, в ходе двух заседаний, Д.С. Граменицкий озвучил другой доклад «О замкнутом и меновом хозяйстве Средних веков франкского периода». Изучив королевское хозяйство по «Капитулярию о поместьях Карла Великого», монастырское — по «Сен-Жерменскому полиптику» и крестьянское — по грамотам и формулам, он приходит к выводу, что все они в разной степени и форме принимали участие в рыночной жизни, и «нередко подпадали под власть торгового капитала»⁴⁷. Оппоненты — А.И. Неусыхин, Е.В. Оловянишникова, В.В. Терешкович, С.П. Моравский — отметили абстрактность и схематизм построений Д.С. Граменицкого, которые, настаивает А.И. Неусыхин, не могут совпадать с исторической действительностью. По мнению А.И. Неусыхина, рыночность раннего Средневековья преувеличена докладчиком. «Хозяйство раннего Средневековья... находится в стадии эволюционирования от типа замкнутого натурального хозяйства к типу денежного хозяйства». Близкую точку зрения высказал С.П. Моравский, указав «на случайность» рыночных и меновых связей в это время⁴⁸.

⁴⁴ Цитата звучит весьма современно. Вспомним, как относительно недавно А.Я. Гуревич любил говорить о вопроснике историка, который тот предъявляет источнику.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 65–69.

⁴⁶ Там же. Лл. 83–85.

⁴⁷ Термин «торговый капитализм» встречается в протоколах единично, а о концепции, исповедуемой «школой Покровского, речь не идет нигде.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 155. Лл. 86–88.

Одним из самых востребованных памятников отечественной медиевистики 20-х гг. XX века оставался «Капитулярий о поместьях». На секции о нем прозвучало несколько докладов. Причина повышенного интереса к документу объяснялась тем, что «вотчинники» (прежде всего К. Инама-Штернегг⁴⁹) видели в нем инструмент по организации и ведению образцового, системного, структурированного, замкнутого, натурального королевского хозяйства, одновременно являющегося административным центром и включающего в себя ряд дворцов с соподчиненными и обеспечивающими снабжение аграрными виллами. Оппонент «вотчинников» А. Допш считал, «Капитулярий» простой инструкцией, составленной с целью оградить королевские земли от злоупотреблений. 12 ноября 1926 г. доклад «“Capitulare de villis” и его возможная интерпретация» сделал Д.М. Петрушевский⁵⁰, в котором опять опровергал вотчинную теорию. Как и А. Допш (точку зрения которого он «вовсе не считал для себя обязательной»), Д.М. Петрушевский полагал, что создание памятника было вызвано не «фантастическими», а «гораздо более реальными причинами». Он должен был побудить управляющих (judex) дворцами, или резиденциями (palatium) надлежащим образом исполнять свои обязанности. А представления К. Инамы-Штернегга о хозяйственных округах и центрах являются, по словам Д.М. Петрушевского, «фантазмами». Потребительский характер королевского поместья — «служить своими продуктами нуждам короля» — не следует трактовать в пользу господства натурального хозяйства в эпоху Каролингов. Тем более что там «имелись налицо элементы денежного хозяйства». Главное же, по его мнению, это то, что «“Capitulare de villis” не создавал нового мира хозяйственных отношений».

Выступивший следом Н.П. Грацианский заступился за вотчинную теорию, полагая, что ее рано «сдавать в архив». «Ее надо только очистить от излишеств». Теория А. Допша «также полна преувеличений». Толкование Д.М. Петрушевским ряда терминов Н.П. Грацианский счел «натяжкой»⁵¹.

11 марта 1927 г. секция заслушала отчетный доклад аспиранта А.И. Гайсиновича «Хозяйство королевского поместья эпохи Каролингов по «Capitulare de villis». Доклад, признанный удовлетворительным (как нередко бывает и сегодня), содержал немало общих мест. Он критиковал вотчинную теорию позитивно, отмечая преувеличения, оценивал работы ее критиков (А. Допш, Г. Зелигер) и сетовал на то, что критические работы «не привели еще к новому синтезу». «Капитулярий» А.И. Гайсинович вслед за А. Допшем именовал «инструкцией», сам жанр которой не дает «отличить сущее от должного». Далее докладчик констатировал, что в каролингском поместье занимались сельским хозяйством, скотоводством, виноделием и ремеслом. Хлебопашество и ремесло плохо отражены в источнике, но есть основание полагать, что ремесло было примитивным, «так же, как и техника виноделия (виноград давили ногами, многие ремесленные изделия изготовлялись руками). «Raison d'être» королевского поместья состоял «в потреблении, а не в производстве на сбыт». И здесь неожиданно А.И. Гайсинович отдает дань (пусть с оговорками) им же критикуемой вотчинной теории. Он говорит: «Идеал короля — благоустроенный ойкос. И торговля и деньги налицо. Но не в них центр тяжести. Покупали только то, чего недоставало в собственном хозяйстве <...> продавали только излишки <...> платежи и штрафы уплачивались скотом».

Н.П. Грацианский посоветовал аспиранту почитать работы Г. Каро⁵², на которых в значительной степени «базировался» А. Допш, привлечь другие памятники и быть осторожнее «в предположениях». «Из запрещения давить виноград ногами никак нельзя умозаключить о примитивности техники, ибо во многих странах со сравнительно высокой техникой виноград до сих пор давят ногами. Наконец, факт наличия натуральных платежей сам по себе еще отнюдь не означает, что господствовало натуральное хозяйство». И в эпоху денежного хозяйства нередко выгоднее получать платежи натурой и с ней самому выходить на рынок.

⁴⁹ См.: Inama-Sternegg K. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd 1–3, Lpz., 1879–1901.

⁵⁰ Обращаем внимание на то, что в течение трех недель была сделана серия докладов, направленных против вотчинной теории: 2 доклада Д.М. Петрушевского и 2 доклада А.И. Неусыхина. См. выше. С. 10–11.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 155. Л. 55–57 об. Известно, что в 1919 г. Н.П. Грацианский издал о «Capitulare de villis» специальную статью, содержащую критику А. Допша. См.: Грацианский Н.П. К критике «Capitulare de villis» // Н.П. Грацианский. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. М., 1960. С. 140–168.

⁵² См.: Georg CARO, Zur Grundbesitzverteilung in der Karolingerzeit // Deutsche Geschichtsblätter, 1902/ Bd. 3. S. 65–76.

Подобные же замечания сделали А.И. Неусыхин и Л.В. Черепнин. Последний добавил, что при должном обращении из «Капитулярия» «можно извлечь некоторые сведения, относящиеся не только к сфере должного, но и сущего». Иронию выступающих продолжил Д.М. Петрушеский: «И из инструкции можно извлечь черты сущего»⁵³.

Совершенно другую реакцию вызвал доклад аспиранта секции русской истории Л.В. Черепнина⁵⁴ «К вопросу о составе и происхождении “*Capitulare de villis*”», произнесенный 21 октября 1927 г. Историк предложил интересную и оригинальную гипотезу. По его мнению, «Капитулярий о поместьях» объединил в себя три памятника. Подробно перечислив параграфы, которые, на его взгляд, относятся к первому, второму или третьему источнику, исследователь их датирует и локализует. Происхождение первого и второго из выделенных источников он относит к Северной Франции, а третьего — к Южной Франции. Первый датируется 800-м или, как у А. Допша, 794–795 гг., второй — 807–809 гг. О датировке третьего — протокол умалчивает. Кроме того, Л.В. Черепнин предпринял анализ ряда терминов. По его словам, термин «*curtis*» во 2-м и 3-м источниках имеет значение «барского двора» (*villa*), а в 3-м источнике значение «королевского двора» (*palatium*). Термин «*ministerium*» в 3-м источнике означает «должность», а в ряде параграфов 2-го источника — «административный округ. «*Majores*» в 3-м источнике — это подчиненные «*judices*», а во 2-м — управляющие, «ничем не отличающиеся по существу от «*judices*». «*Magister*» в 3-м источнике — это «управляющий», а в 1-м и 2-м — просто мастер-ремесленник. «*Familia*» в 1-м источнике — «дворовая челядь», а в остальных — «все зависимое население поместья». Кроме того, он признал, что уже Теодор Майер выделял в «Капитулярии» два памятника.

Н.П. Грацианский, начавший обсуждение, заметил, что различие содержания ряда параграфов можно объяснить различием их происхождения, а можно — волюнтаризмом переписчика, произвольно перемешавшего параграфы. И.С. Макаров счел, что 3-й источник легко выделяется, а выделение 1-го и 2-го источников требует дополнительных доказательств. На необходимость привлечения данных, «лежащих вне памятника», указал А.И. Неусыхин.

По предложению Е.А. Косминского, который отметил, что все аргументы докладчика трудно «схватить» на слух, секция решила посвятить обсуждению доклада Л.В. Черепнина отдельное заседание⁵⁵.

Это следующее заседание случилось по неизвестным нам причинам только через три с половиной месяца, 10 февраля 1928 г. Н.П. Грацианский, начавший обсуждение, заметил, что систематичность отдельных положений, которую хочет найти в «Капитулярии» Л.В. Черепнин, вовсе не должна была там присутствовать. Произведенная разбивка лишает его всякого смысла (*raison d'être*). «Ведь регламент был издан для того, чтобы прекратить злоупотребления и расхищение королевских земель. Это — основной лейтмотив всех его параграфов. А между тем разбивка “*Cap. de villis*” на части нарушает единство цели: часть предписаний (тех, которые стремятся восстановить нарушенный порядок и социальную справедливость) локализуется на юге; предписания, касающиеся “*servitium*” (повинностей), локализуется на севере. Такая интерпретация, разрешая одни недоумения, вместе с тем порождает целый ряд других». По мнению Н.П. Грацианского, многие термины получили у докладчика неправильное толкование. Формальная критика источника сделана недостаточно: «систематическая формальная критика скорее опровергает, чем подтверждает его выводы. Так, во всех трех источниках, на которые докладчик разбил “*Cap. de villis*”, встречаются одни и те же обороты, и притом такие, которые составляют особенность “*Cap. de villis*” и в других памятниках раннего средневековья вовсе не встречаются».

А.Д. Удальцов обратил внимание на то, что предложенная «локализация отдельных частей памятника» и большой отрыв отдельных параграфов делают совершенно непонятным принцип, по которому кодификатор свел их воедино.

⁵³ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 155. Лл. 46–50об.

⁵⁴ Как свидетельствуют протоколы, будущий известный историк русского феодализма Л.В. Черепнин часто посещал заседания секции средневековой истории.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1, ед. хр. 155. Лл. 22–26. Доклад Л.В. Черепнина позднее был опубликован в виде статьи. См.: Черепнин Л.В. К вопросу о составе и происхождении «*Capitulare de villis*» // Известия Академии наук СССР. VII серия, Отделение общественных наук, 1934, №5.

А.И. Неусыхин отметил отсутствие единого критерия при объединении отдельных параграфов: одни объединены по тематическому, а другие — по формальному и тематическому принципам.

Подозрение у Е.А. Косминского вызвало то, что «весь памятник разложился у докладчика без всякого остатка на отдельные источники. Ведь вообще средневековые памятники крайне непоследовательны, отличаются бессистемностью изложения и неустойчивостью терминологии. В этом смысле все они носят характер черновиков. Красноречивый пример — Великая хартия вольностей. Этот важный политический документ XIII в. может поспорить своей бессистемностью с хозяйственным регламентом IX в.»

Несмотря на критику членов секции, Д.М. Петрушевский отметил высокую научную ценность доклада и пригласил Л.В. Черепнина в дальнейшем принимать активное участие в работе секции⁵⁶.

Два доклада (26 февраля 1926 г. и 27 мая 1927 г.) о землевладении в IX веке сделал аспирант А.С. Нифонтов. Первый был посвящен топографии Сен-Жерменского монастыря. Сопоставив данные Сен-Жерменского полиптика с атласом Франции XVIII в., докладчик составил собственную карту и провел локализацию описанных в источнике вилл, прежде всего винодельческих. Он пришел к выводу, что владения монастыря занимали значительную площадь и «отличались крайней разбросанностью» и «чересполосностью». А.Д. Удальцов и Н.П. Грацианский посоветовали докладчику в дальнейшем учитывать рельеф местности⁵⁷.

Второй доклад характеризовал монастырское землевладение эпохи Каролингов по данным полиптика аббата Ирминона и Реймского полиптика. А.С. Нифонтов при помощи собственноручно сделанных карт обрисовал особенности расположения земель в обоих монастырях, степень их рассредоточенности, а также держания, повинности держателей, категории держателей. А.И. Неусыхин, ведя протокол, А.М. Яманский, В.М. Дитятков, А.Д. Удальцов, выступая в прениях, и Д.М. Петрушевский в заключительном слове отметили тщательность, основательность и самостоятельность исследования молодого ученого⁵⁸.

20 мая 1927 г. прозвучал первый доклад по политической истории, который сделала аспирантка Р.А. Авербух. В докладе «Завоевание Саксонии в эпоху Каролингов» она сначала с помощью литературы (работы Р. Шредера, Ф. Гекка, В. Виттиха, Г. Бруннера и П.Г. Виноградова) описала социальный строй Саксонии IX в., затем дала характеристику источников («Лартские анналы», «Жизнь Карла Великого» Эйнгарда, его же «Анналы» и др.), географический очерк и обрисовала основные торговые пути, идущие через Саксонию.

Для франков, считала исследовательница, Саксония имела «транзитное и стратегическое значение». Карл Великий продвигался в Саксонию теми же путями, которые до него использовали римляне и германцы: через Тевтобургский лес на север и восток. Излагая ход завоевания, докладчица пришла к выводу, что «оно носило характер длительной и упорной борьбы». Собраный Карлом Великим в 777 г. совет саксонских эделингов в Падерборне расколол саксонскую знать на две группы: одна, идущая за Видукингом, готова была продолжать сопротивление, другая встала на сторону завоевателя. Докладчица подробно осветила все восстания Видукинга и его капитуляцию.

Выступивший следом Д.Н. Егоров обратил внимание Р.А. Авербух на то, что одной из причин завоевания могла быть устремленность к железным рудникам, лежащим в Вестфалии. Кроме того, он выразил удивление, что докладчица не использовала книгу Е.Н. Щепкина «Варяжская вира»⁵⁹. Он и Н.П. Грацианский заметили, что завоевание в докладе сильно драматизировано. «Собственно настоящая война с саксами происходила лишь в годы 782–785» и затем последовало «несколько мелких стычек» в 794–795 гг.⁶⁰

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 155. Лл. 86–8г.

⁵⁷ Там же. Лл. 74–75об.

⁵⁸ Там же. Лл. 32–35об. См. статью А.С. Нифонтова, написанную на том же материале: Нифонтов А.С. Реймский полиптик как источник по изучению поместного строя раннего средневековья // Ученые записки Института истории РАН ИОН. 1928. Т. 6. С. 54–74.

⁵⁹ Щепкин Е.Н. Варяжская вира. Одесса, 1915.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 37–39об.

Англии было посвящено пять докладов. За исключением одного, английские доклады затрагивали экономическую, социальную и хозяйственную проблематику. Два из них принадлежали Е.А. Косминскому. 9 марта 1923 г. он сделал доклад «Английская деревня в XIII в.», где отметил, что в историографии отсутствует «статистическая обработка источников», без которой не обойтись при изучении аграрной истории Англии. Е.А. Косминский предпринял такую попытку массовой обработки материала по Сотенным свиткам. В результате ему удалось прийти к четырем важным выводам: 1. «Понятие манора, как сложного хозяйственного организма, представляющего собой комбинацию барского двора и сельской общины, подлежит пересмотру и исправлению. Ибо манор вовсе не обязательно совпадает с деревней». 2. «Крепостное крестьянство отнюдь нельзя считать основной социальной группой деревенского населения...». 3. Барщинное хозяйство в результате товарно-денежных отношений отнюдь не вытеснялось наемным трудом. Вообще барщину не следует считать проявлением отсталости. «Самые лучшие хозяева — монастыри вели барщинное хозяйство: они умели его ставить» и получать значительную прибыль. 4. Сельские земледельцы при наличии крепостных активно использовали наемный труд крестьян⁶¹.

17 декабря 1926 г. Е.А. Косминский произнес доклад «Поместье в Северной Англии»⁶², где обнаруживает большое разнообразие форм землевладения на английском севере в Средние века, что объясняет значительным датским и кельтским влиянием. Особенности аграрных отношений на севере, говорит Е.А. Косминский, «нельзя исчерпывающе охарактеризовать в терминах манориального строя». Приведенное им определение манора значительно отличается от того, какое он давал тремя годами ранее. «Манор, — по его словам, — в сущности, территория, находящаяся под влиянием лорда; ее центр называется манором, откуда это обозначение переносится на всю территорию; но к этому центру («манор» в узком смысле) прилегает сока; все это нельзя объединить в одно целое при помощи термина «манориальный».

По мнению историка, ключ к разгадке аграрных отношений Северной Англии дает Уэльс, где «на первоначальную родовую общину наложилась деревенская сельская община; над этой, уже осложненной родовой общиной надстраиваются впоследствии феодальные институты (власть туземных князей), а над ними — новые порядки, принесенные английскими завоевателями». В упрощенном виде рисуется следующая схема: в Уэльсе появляются деревни трех разрядов — «крепостные, свободные и деревни смешанного типа». Затем приходили английские завоеватели, «переводившие туземцев» на другие земли и основывающие собственно маноры. «В Северной Англии «манор» представляет собой усадьбу, административный центр большой округи, называемый «шайр» (термин, соответствующий «графству» Англии); сеньор шайра часто является и носителем сотенной юрисдикции, причем остается неясным, каково происхождение этой последней... Виллы объединены в смысле населения, повинностей и несут их общему центру. Этот центр и есть манор». Повинности, которые несут держатели, подчеркивает Е.А. Косминский, не связаны даже с их социальным положением. Поэтому разграничить вилланов и свободных чрезвычайно трудно⁶³.

Два «английских» доклада прозвучали на секции в октябре (14-го и 28-го) 1927 г. Первый — «Торговля южноанглийского манора в XIII–XIV вв. по приказчиьим отчетам» — сделал аспирант С.А. Токарев⁶⁴. Источником докладчику послужили приказчиьи отчеты (Ministers' accounts) южной Англии. Исследование затрудняло то обстоятельство, что сами маноры были разбросаны на значительной территории и между отчетами имелись длительные хронологические лакуны. Однако «анализ цифр прихода и расхода показывает, что торговля

⁶¹ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 95–95 об. Это был, пожалуй, единственный протокол доклада, где не приведены прения.

⁶²Как известно, в 1925–1926 гг. Е.А. Косминский был в научной командировке в Англии, поэтому есть основания полагать, что его доклад строился на самых последних данных. См.: Гутнова Е.В., Сидорова Н.А. Научные труды и деятельность Е.А. Косминского // Е.А. Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963. С. 8.

⁶³ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 51–54 об.

⁶⁴См. также его статью: Токарев С.А. Торговля английского манора в XIII и первой половине XIV века // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1928. Т. VII.

играла большую роль в жизни маноров... Торговали зерновым хлебом, шерстью, скотом, молочными продуктами, лесом, иногда, вином, яйцами, соломой, торфом...».

Докладчик предложил методику изучения средневековой торговли. «Необходимо уяснить количественное отношение продаваемых продуктов сельского хозяйства к величине посевной площади и к ее урожайности, а также исследовать связи торговли манора с общими его хозяйственными ресурсами». Проведя подсчеты, С.А. Токарев пришел к выводу, что в XIII в. наблюдался рост торговли и продуктивности маноров, шел процесс развития товаризации хозяйств. Однако степень товаризации была различной. Полученные данные позволили докладчику «разбить южную Англию на два крупных экономических района: район восточных и южных графств, где господствовало денежное хозяйство, и район центральный, где преобладало натуральное хозяйство».

Выступающие следом Е.А. Косминский и И.С. Звавич ограничились тем, что рекомендовали привлечь еще более массовый материал для дальнейшего изучения⁶⁵.

Второй доклад, повествующий о южно-английском маноре XIII–XV вв., принадлежал аспиранту И.С. Звавичу⁶⁶. В этом докладе была освещена судьба манора Аппледрам, расположенного в юго-западной части Суссекса, за 1283–1460 гг. Изучив значительные материалы и проведя многочисленные подсчеты, он показал, что за 180 лет «площадь домена» сократилась с 350 до 180 акров, соответственно, сократились доходы манора. Сокращение запашки обусловлено было не только экономическими и социальными причинами, но и природными — наступлением моря. $\frac{2}{3}$ земли было сдано крестьянам. Крестьяне в середине XV века увеличили свою запашку за счет господской на 25% и снизили плату за держание с 12 пенсов до 8. Крестьянство расслаивалось, и к концу изучаемого периода появляется «кулачество, концентрирующее землю в своих руках». Число держателей, в свою очередь, сократилось с 36 до 24.

Е.А. Косминский, выступая следом, подчеркнул, что «процессы, подмеченные докладчиком, являются типичными для южно-английских маноров XV в.» вообще⁶⁷.

27 марта и 4 апреля 1924 г. секция слушала и обсуждала доклад О.А. Лясковской «Борьба в английском обществе во второй половине XIII века». Это был доклад по политической истории, связанный с проблемой возникновения английского парламента. О.А. Лясковская полагала, что «борьбу XIII в. надо рассматривать с экономической стороны и оттенить роль различных классов и групп, участвующих в ней — духовенства, баронства, торговых и городских кругов, а также интеллигенции». На ее взгляд, расстановка политических сил в середине XIII в. была следующей: духовенство находилось в умеренной оппозиции как к королю, так и к папе. Причем клир не был един. Настроения «низшего духовенства», которое включало и интеллигенцию, были более радикальными. «Высшее духовенство» находилось «в большей оппозиции к папе, чем к королю». Но исключительные политические обстоятельства заставили его «примкнуть к светским кругам» и поддержать Симона де Монфора.

«Баронство» сыграло главную роль в противостоянии, что привело в 1258 г. к правлению «баронской олигархии». По мере нарастания кризиса позиция баронства менялась, и знать политически дифференцировалась. В частности, обозначился «антагонизм» между рыцарством и магнатами.

«Военно-политическая мощь городов была невелика». В начале XIII в. у баронов сложился союз с торговой городской верхушкой Лондона, а король «заигрывал» с ремесленной беднотой. Во второй половине XIII в. меняется расстановка сил в Лондоне: по непонятной причине «бароны вступают в союз с демократической цеховой партией».

«Крестьянство было пассивно и голодало. Крестьяне выступали только в качестве наемных ополченцев».

Степень влияния различных политических сил отразилась в их представительстве в парламенте 1265 г.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 28–31.

⁶⁶ См. его статью на эту тему: Звавич И.С. Очерк из истории разложения манориального строя в Англии (Южный манор в XII–XV столетиях) // Исторический сборник, 1934. № 3.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 18–21.

Обсуждая доклад, Е.А. Косминский призвал докладчицу «уяснить себе классовую структуру английского общества и классовые интересы магнатов, рыцарства и городов». А Д.М. Петрушевский посоветовал не искать «у отдельных групп отчетливой программы будущего парламента»⁶⁸.

Средневековый город

Три доклада были посвящены урбанистике. 15 апреля 1927 г., как всегда при большой аудитории, Д.М. Петрушевский произнес доклад «Городское хозяйство и его идеология». Он решительно разошелся с теми (Г. Шенберг, Б. Гильдебранд), кто настаивал на изначальной замкнутости средневекового города и поместья. По его мнению, замкнутым город становится только в позднее Средневековье. Городская автаркия явилась результатом «хозяйственной политики ремесленников», насквозь «пропитанной... антикапиталистическими, мелкобуржуазными тенденциями». Цель ее — подавить конкуренцию, т.е. «поставить всех городских ремесленников в одинаковые условия, не давая никому из них возможности превратиться в предпринимателя».

Такая политика «имела свою идеологию», создателем которой стал Фома Аквинский, «отразивший... материальные интересы ремесленников». Вслед за Аристотелем Аквинат считал человека общественным существом. Но шел дальше. Для Фомы, полагает Д.М. Петрушевский, человек прежде всего существо городское, а город — «совершенное сообщество» (*communitas perfecta*). Совершенство его выражается в возможности каждого члена найти источник существования и необходимости служить целому в своем «*officium*» или «*ministerium*». Такой город, кроме того, «должен быть расположен на плодородной почве и иметь в своей округе почти все, что может ему понадобиться».

Понимая, что город не возможен без обмена, Фома «оправдывает торговлю», но определяет для нее рамки, которые в Средние века назывались «справедливой ценой». «Ремесленник не должен брать за свои продукты больше, чем это необходимо для поддержания его жизни и обеспечения известного комфорта». Представления о справедливой цене ограничивали прибыль и препятствовали становлению капитализма. «Купцы необходимы городу лишь для покупки того, чего почему-либо нет в самом городе».

Идейными предшественниками «антикапитализма» Фомы Аквинского были, полагает докладчик, Аристотель и особенно Платон, выступающие за государственное ограничение хозяйственного и торгового «эгоизма». Несмотря на многочисленные различия, тенденция хозяйственного развития античного полиса и средневекового города, по словам Д.М. Петрушевского, «была тождественна: и полис, и средневековый город стремились к автаркии; руководители хозяйственной политики и здесь, и там вели борьбу с развитием капитализма».

Построения Д.М. Петрушевского встретили возражения А.К. Дживелегова, который заметил, что подобная идеология, возможно, касается немецких городов, но никак не итальянских, где позиции капитализма были сильны. Эту мысль продолжил С.В. Бернштейн-Коган. Он обратил внимание, что «цеховая реакция» даже в Германии наступила только в XVI–XVII вв. Это дает основание допускать, что конструкция Фомы есть «плод его непосредственного заражения Аристотелем».

Д.М. Петрушевского поддержали Е.А. Косминский и В.В. Терешкович, сказавшие, что хозяйственная жизнь города была разнообразной, но ремесленники были заинтересованы в его закрытости, что можно видеть у Фомы⁶⁹.

В апреле 1928 г. на секции прозвучал доклад аспирантки Н.П. Фрейберг «Мастера и подмастерья французских цехов XIII–XIV веков (К вопросу о расслоении цеховой среды)». В докладе констатировалось наличие в Париже XIII–XIV вв. большого числа ремесленников, объединенных в цехи. Изучив актовый материал и хроники, докладчица нашла следы социальной борьбы между мастерами и подмастерьями, расслоение и соподчинение одних цехов другими. «В центре внимания подмастерьев стояли вопросы, актуальные и в наши дни: длина рабочего дня, обеденный перерыв, ставки и сроки выплаты зарплаты», работа в ночное время. Ни эпидемия чумы, ни Столетняя война, отмечает Н.П. Фрейберг, не приостановили процесс социального расслоения.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 89–89а.

⁶⁹ Там же. Лл. 40–45.

Даже повышение налоговых тягот, как показали волнения в Париже в начале 1380-х гг., не приводило к объединению различных социальных сил города.

«В XIV–XV вв... под влиянием конкуренции (вызванной ростом торгового капитала) возникло стремление закрыть доступ в цех новым возможным конкурентам и именно здесь — начало роста цеховой замкнутости».

На стремление докладчицы отыскать социальную борьбу в средневековом французском городе негативно отозвался Н.П. Грацианский⁷⁰.

Последним прочитанным на секции перед ее закрытием стал урбанистический доклад. Он назывался «К вопросу о социальной структуре немецкого города в XIV–XV вв.» и принадлежал В.В. Терешкович. Исследовательница в нем настаивала «на резкой имущественной дифференциации» в средневековом немецком городе⁷¹.

Определенные сведения о медиевистике и медиевистах можно почерпнуть из протоколов секции новой и новейшей истории Института истории РАН ИОН. Руководил секцией после смерти А.Н. Савина⁷² В.М. Волгин, и почти бессменным ее секретарем с марта 1924 г. был С.Д. Сказкин⁷³. Помимо С.Д. Сказкина, занимавшегося тогда изучением французской предреволюционной деревни и международными отношениями XIX в., в состав секции в разное время входили медиевисты А.Д. Удальцов, исследующий «бабувизм», и итальянист А.К. Дживелегов⁷⁴.

Среди записей о текущих делах выделяется сообщение о «заявлении семьи покойного профессора Пермского университета В.Э. Крусмана об оставшихся после его смерти ученых работах». Рассмотрев заявление, «секция постановила поручить сотрудникам института С.Д. Сказкину и В.М. Лавровскому ознакомиться с литературным наследием проф. Крусмана, а действительному члену института проф. Н.А. Дубровскому взять на себя труд познакомиться с состоянием главы работы покойного о Петрарке, о результатах доложить секции»⁷⁵.

В отличие от секции средневековой истории секция новой и новейшей истории 31 мая 1928 г. высказалась за «слияние» секций. Из протокола следует, что вопрос об объединении «был поднят коллегией института и передан на рассмотрение секции». Аспиранты «в целях педагогических» сочли такое объединение «желательным». В отличие от медиевистов здесь голосов «против» не было. Но было трое воздержавшихся, двое из которых — античник П.Ф. Преображенский и (тогда, видимо, все-таки новист) С.Д. Сказкин⁷⁶.

Объединение секций произошло, видимо, уже летом — осенью 1928 г. В декабре 1929 г. в протоколе встречается иное наименование секции «Секция истории Запада», и зафиксировано решение создать те самые комиссии, против которых возражали медиевисты института⁷⁷. Одна из них должна была называться «комиссия по изучению западно-европейского феодализма» во главе с Д.М. Петрушевским⁷⁸. В протоколах за 1929 г. наряду с названием «история Запада» появляется название «Секция всеобщей истории», а во главе сек-

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 155. Лл. 11–14.

⁷¹ Там же. Лл. 3–5 об.

⁷² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 159 (Протоколы заседания секции новой и новейшей истории). Л. 102. Здесь можно отыскать протокол от 21 марта 1924 г., где сказано: «Принять за основу план, выработанный бывшим председателем секции проф. А.Н. Савиным».

⁷³ Вероятно, С.Д. Сказкин впервые был избран секретарем секции на собрании 11 марта 1924 г. ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 103.

⁷⁴ Об А.Д. Удальцове протокол за №31 от 21 октября 1926 г. сообщал, что он исследует социальную и политическую историю Франции XIX в. и одновременно «выполняет работу по аграрной истории Фландрии в Средние века». Этот же протокол сообщал, что А.К. Дживелегов изучает «политическую и культурную историю эпохи Возрождения. ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 66.

⁷⁵ Там же. Л. 88. Протокол 8-го заседания секции новой и новейшей истории от 26 февраля 1925 года.

⁷⁶ Там же. Л. 48. Имя третьего воздержавшегося в протоколе пропущено. О роли аспирантов в преобразовании секций и затем института см.: Вайнштейн О.А. История советской медиевистики. Л., 1968. С. 43.

⁷⁷ См. выше. С. 4.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 159. Лл. 6.

⁷⁹ Там же. Л. 11, 23.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 159. Лл. 6.

ции, кроме председателя, упоминается «бюро». И здесь мы читаем о сделанных докладах Б.Г. Вебера о Мартине Лютере и М.М. Смиринина о крестьянском восстании в Швабии в 1525 г.⁷⁹

1 сентября 1929 г. бюро секции по истории Запада принимала планы работы комиссий. В течение года комиссия по изучению феодализма должна была заслушать доклады Е.А. Косминского, В.В. Терешкович, Н.П. Грацианского и И.С. Звавича⁸⁰.

В протоколе за 23 апреля 1929 г. можно ознакомиться с планом аспиранта М.М. Смиринина, который в течение года должен был работать «по специальности» над темами «Социально-экономический момент в крестьянском движении 1525 г. в Верхней Швабии» и «Провинциальное управление при Людовике XIV»⁸¹. «По неспециальности» ему надлежало отчитаться по теме «Второзаконие, как источник по социально-экономической истории древнего Израиля (обзор литературы и источники)» и подготовить программу курса «Революция 1848 г. в Центральной Европе»⁸².

Наконец, в протоколах секции новой русской истории за 1927–1928 гг. встречается имя аспиранта Б.Ф. Поршнева, которому в декабре 1927 г. предложили «взять одну из тем по русской истории. По истории России до XIX в.; уточнить тему по средневековой истории»⁸³.

Теперь можно подвести итоги. Мы считаем их предварительными, ибо они нуждаются в сопоставлении с изданными работами докладчиков секции средневековой истории Института истории РАН ИОН, в соотнесении с различного рода нормативными документами и идейно-политическими компаниями. Иначе говоря, следует попытаться реконструировать жизнь РИОНовских медиевистов по другим источникам и необходимо вписать их деятельность в контекст 1920-х годов. Как кажется, представители русской дореволюционной школы старались всеми силами сохранить и передать приобретенную ими технику исследования памятников своим ученикам. Обилие докладов Д.М. Петрушевского показывает, что они готовы были учить личным примером. Их выступления далеко отстояли от вульгарных построений многих современников. Тщательную шлифовку деталей они ставили выше высокопарных генерализаций, произведенных с помощью идеологически выверенных цитат. При этом типология и историческая социология отнюдь не были им чужды. На заседаниях секции господствовал дух терпимости и критики, от последней не был освобожден даже директор института. Фактически Д.М. Петрушевский создал своеобразную башню из слоновой кости, которая, несмотря на хрупкость, сумела противостоять жестким обстоятельствам времени целых 5 лет. Думается, ученые занятия секции воспринимались, как вызов, и именно поэтому ее судьба была предрешена.

Когда-то А.И. Данилов, характеризуя ученую деятельность Н.П. Грацианского в 20-х годах XX столетия, писал, что тот «преодолевал присущие буржуазной историографии представления» об историческом процессе⁸⁴. Протоколы секции средневековой истории ни в отношении Н.П. Грацианского, ни в отношении самой секции ни о чем похожем не свидетельствуют.

Summary

The Institute of History of RARISS was established in 1921 and existed until 1929. There was the Section of the Middle Ages among the variety of its divisions. The article tells about the research work of its historians that was reflected in the manuscripts and printed materials kept into the State Archives of the Russian Federation. The archive sources show that professors, researchers and postgraduate students tried to keep to the high level of scientific studies and to avoid the lightweight Marxist constructions.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. ед. хр. 159. Лл. 11, 23.

⁸⁰ Там же. Л. 4.

⁸¹ См.: Протокол методического бюро Института истории от 31 января 1928 г., где говорится о необходимости выполнения аспирантами двух тем «по специальности». ГАРФ. Ф.4655, Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 8.

⁸² ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Ед. хр. 159. Лл. 2–2об.

⁸³ ГАРФ. Фонд 4655. Оп. 1. Ед. хр. 166. Лл. 1, 3, 5, 8, 10, 12, 13, 22, 25, 29, 30.

⁸⁴ Н.П. Грацианский как историк-медиевист // Н.П. Грацианский. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. М., 1960. С. 13.